

Зажглись огни, и город ожил. В сумерках праздника Чжунъюань людские потоки заполнили улицы, превращая их в бурлящие реки. Полная луна, огромная и величественная, зависла в ночном небе, наблюдая за праздничной суматохой: криками зазывал, детским смехом и тихим шепотом влюбленных. Все это сливалось в единую, живую симфонию торжества.

Девушки, еще не знавшие брака, стыдливо оглядывались по сторонам, следуя в сопровождении служанок; в их глазах читалась робкая надежда встретить того самого, суженого. Молодые господа, обмахиваясь веерами, занимали места в прибрежных лавках, наслаждаясь вином и ведя вольные разговоры. Целые семьи — от мала до велика — несли в руках бумажные фонарики, чтобы спустить их на воду и смотреть, как те уплывают в неведомую даль.

Мо Ханьчи и Лянь Лань расположились в отдельном кабинете на втором этаже таверны «Цзуйсяньцзюй». Ханьчи, недавно получивший щедрую награду, не скупился: он заказал едва ли не все фирменные блюда заведения.

— Лянь Лань, ешь побольше, не стесняйся! — Мо Ханьчи уставился на подносы с едой с почти детским восторгом. Он сиял, точно голодный зверек, завидевший добычу.

Лянь Лань, впрочем, не разделял человеческой любви к жирным яствам и лишь изредка подцеплял палочками зелень.

— Что же ты совсем ничего не ешь? — засуетился Ханьчи. — О! — вдруг спохватился он. — Ло Си! Этот парень, если заработается, точно забудет об обеде. Эй, любезный! Собери-ка мне вот это, это и то с собой.

Лянь Лань пригубил вина и негромко спросил:

— Давно ты знаком с ним? С этим Ло Си.

Мо Ханьчи припомнил их первую встречу и невольно хмыкнул.

— Впервые мы встретились, когда я охранял Первого старшего брата во время его Небесного испытания. Я тогда свалился без чувств, брат перепугался и отнес меня на главный пик Куньлуня к учителю. Я-то ничего не помнил, а когда очнулся, решил, что помер и попал на небеса — передо мной стояла писаная красавица. Ну, я и ляпнул что-то... А в ответ получил от этой «красавицы» полновесный удар в челюсть. В общем, я тоже в долгу не остался. Нам тогда по десять лет было. Получается, лет восемь или девять уже знакомы.

Ханьчи пустился в воспоминания, и Лянь Лань невольно заслушался. Ему было трудно представить, как этот вечно серьезный и правильный Ло Си мог участвовать в подобных безумствах.

— Учитель тогда так разъярился, что у него борода дыбом встала! И всё из-за какой-то жирной

рыбины из пруда. Глава Куньлуня — человек мелочный, а ведь это Ло Си всё затеял! В итоге облили меня водой из того пруда с ног до головы, а учитель, выгородив любимчика, наказал нас обоих.

Разгоряченный вином и воспоминаниями, Ханьчи вскочил на табурет. Разрезая воздух палочками и азартно стуча по тарелкам, он вдохновенно описывал, как «героически» спасал Ло Си в Башне Магических Сокровищ. Лянь Лань смеялся уже в открытую, совершенно забыв о приличиях.

— Он и в детстве был невыносим! — продолжал Мо Ханьчи. — Вечно мне угрожал. Я всего-то хотел помочь учителю поймать его, когда он в запретную зону пробрался, а он вывернул всё так, будто это я виноват...

Пока Ханьчи, сияя лицом, расписывал свои подвиги, Лянь Лань вдруг мягко прервал его:

— Ханьчи, на улице так красиво. Пойдем погуляем?

Увидев лучезарную улыбку красавца, Ханьчи окончательно потерял голову. Глуповато кивнув, он схватил Лянь Ланя за руку и потащил к выходу.

Однако стоило им оказаться в толпе, как Ханьчи пожалел о своей поспешности. Едва ли не каждый встречный норовил украдкой взглянуть на Лянь Ланя, а те, кто посмелее, и вовсе пытались к нему притереться. Вскоре плотная толпа разделила их, и его буквально вытолкнуло в сторону.

Почувствовав, как чужая ладонь выскользнула из его руки, Ханьчи в панике бросился на поиски, но спутника и след простыл. Лянь Лань же, видя метания друга издалека, лишь горько усмехнулся. Сотворив несложное заклинание, чтобы отвести глаза прохожим, он бесшумно отступил в тень узкого переулка.

Торговец фонариками, потирая руки, наблюдал за потерянным молодым господином. Решив, что юноша разминулся со своей зазнобой, он решил не упускать выгоду.

— Господин, никак сердце свое ищите? — вкрадчиво спросил он, подойдя ближе. Юноша явно был нетрезв.

Мо Ханьчи пьяно хихикнул, пошатываясь:

— А вы откуда знаете?

— О, вы обратились по адресу! — торговец пустил в ход свою привычную байку. — Говорят, если написать имя любимого человека на речном фонарике, да побольше раз, речной бог растрогается и непременно устроит вашу судьбу.

Вино из «Цзуйсяньцзюй» ударило в голову со всей силой. Ханьчи уже плохо соображал, где верх, а где низ.

— Ладно... забираю всё!

Он вытащил золотой слиток и всучил его опешившему торговцу. Тот закланялся так низко, что едва не коснулся лбом земли.

— Спасибо, милостивец! Счастья вам с вашей зазнобой, детишек побольше да любви до гроба!

Опасаясь, что щедрый пьяница передумает, торговец припустил прочь, но едва не сбил с ног случайного прохожего. Подняв глаза, он замер: на него смотрел человек в черном, чей взгляд был холоднее льда. Торговцу показалось, что само время застыло, а жизнь его висит на волоске — даже Демонический Почтенный из Столицы демонов не мог бы выглядеть более зловеще.

— О чем ты говорил с тем юношей, что купил фонари? — ледяным тоном спросил незнакомец.

Торговец, дрожа всем телом, выложил всё как на духу. Внезапно в глазах «ледяного человека» что-то дрогнуло, и он улыбнулся так, что торговец не забудет этого до самой смерти.

— Ты всё сделал правильно, — произнес незнакомец и бросил бедолаге увесистый кошель.

Торговец заглянул внутрь и обомлел: золотые листья! Этого хватило бы на несколько жизней. Когда он поднял голову, черная фигура уже удалялась в сторону «глупого господина».

***

Мо Ханьчи снова глупо хихикнул. Сжимая в руке кисточку, он стоял у кромки воды, окруженный целым морем разноцветных бумажных лотосов. Его брови изогнулись дугами, в янтарных глазах плескалась влага, отражая огни ночного города, точно далекие звезды. Мягкая ямочка на щеке то появлялась, то исчезала, придавая его лицу совсем детское выражение. Проходившие мимо девушки краснели и украдкой поглядывали на него, гадая, чье же имя этот статный красавец выведет на своих фонарях.

Ло Си наблюдал за ним издалека. Черные одежды, черные волосы, неподвижный силуэт — лишь ночной ветер колыхал полы его дорогого шелкового халата.

Когда Мо Ханьчи, пошатываясь, вывел первое имя, он вдруг замер, озадаченный собственной выходкой. Хлопнул себя по лбу, снова рассмеялся... И в этот миг сильные руки обняли его со спины, помогая удержать фонарик. Он поднял голову и выдохнул:

— Ло Си...

— Я здесь, — негромко ответил тот, улыбаясь.

Прохладный ветер немного протрезвил Ханьчи. Он опустил взгляд и увидел на бумаге два кривых иероглифа: «Ло Си».

На миг его охватило смятение. Он порывисто хотел забрать фонарь, чтобы исправить имя на «Лянь Лань», но было поздно. Ло Си уже спустил его на воду и легонько подтолкнул. Огонек свечи, дрожа в лунном отражении, поплыл прочь.

Ло Си взял кисть из рук Ханьчи и, присев на корточки, принялся сосредоточенно, один за другим, подписывать фонари. «Мо Ханьчи». «Мо Ханьчи». Снова и снова.

В груди Ханьчи что-то екнуло. Он заворожено смотрел, как Ло Си — серьезный, сосредоточенный, невероятно красивый в серебристом свете луны — выводит его имя. Луна словно окутала его мягким сиянием, а черные пряди волос едва не касались воды. Каждая маленькая кувшинка с именем Мо Ханьчи отправлялась в путь от кончиков его длинных пальцев.

Ханьчи вдруг накрыл ладонь Ло Си своей, останавливая его. Забрав кисть, он приписал «Ло Си» рядом со своим именем и лишь тогда позволил фонарику уплыть.

Когда последний огонек скрылся из виду, Ло Си всё так же крепко сжимал руку Ханьчи. Годы безмолвного понимания вылились в единый взгляд и общую улыбку. В небе расцвели фейерверки, окрашивая мир и их молодые лица в багряные тона. Ханьчи был пьян — вином, праздником и этой улыбкой.

— Давай всегда будем вместе, — прошептал Ло Си ему на ухо.

Мо Ханьчи молча кивнул. Ему было всё равно: на чужие взгляды, на шум толпы, на то, как привычный мир превращается в смазанные линии. Он позволил Ло Си обнять себя, позволил себе эту безрассудную слабость.

Первый поцелуй был робким, почти осторожным, но столкновение губ мгновенно отозвалось обжигающим жаром. Молодые тела, не знавшие искушения страстью, сдались без боя. Ханьчи обвил руками шею Ло Си, утопая в черноте его зрачков, и позволил ему делать всё, что тот пожелает. Тихий стон сорвался с его губ.

Ло Си на мгновение отстранился, вглядываясь в лицо, знакомое до последней черточки. Он знал его озорным, знал яростным, видел его слезы и отчаяние, помнил, как серьезно Ханьчи обещал отомстить за него... Но сейчас он видел его иным: раскрасневшимся, смущенным и невыносимо манящим.

— Ханьчи, расслабься...

— Угу, — Ханьчи едва соображал, голова шла кругом.

Ло Си снова накрыл его губы своими, настойчиво проникая языком внутрь. Воздуха не хватало, дыхание сбилось, тела переплелись в тесных объятиях. Внезапная вспышка боли заставила Ханьчи вскрикнуть. Он невольно выгнулся, обнажая белую шею, и Ло Си, прищурившись, жадно припал к ней, оставляя багровый след.

— Больно... — Ханьчи посмотрел на него затуманенным, умоляющим взглядом.

Ло Си замер, пораженный.

— Твои глаза... Почему они стали золотистыми? Ханьчи, дыши глубже.

— Очень больно...

Золотистый свет в глазах Ханьчи переливался, и Ло Си почувствовал, как неведомая, невероятно чистая энергия вливается в его духовное море. Эта чистота превосходила даже ту, что хранилась в глубочайших тайниках Куньлуня. Ло Си замер, осознавая: «Ханьчи, что же скрыто в твоём теле?»

— Ло Си, хватит... — Мо Ханьчи не выдержал, переходя на тихий плач. Он вцепился пальцами в простыни, не в силах сдержать дрожь.

— Всё хорошо, — прошептал Ло Си с мягкой усмешкой, вновь завлекая его в долгий, иссушающий поцелуй.

Ночь была бесконечной, и в глубине алых пологов агония и восторг сплелись воедино.

<http://bllate.org/book/17550/1718887>